

СУЗДАЛЬ-ЭФФЕКТ

На днях, листая книжку про мастеров дзена, наткнулась на строчки: «Хотя я думаю Больше не думать об этом, Я все равно думаю об этом. И мои рукава мокнут от слез, Когда я думаю об этом» — Рекан, XVIII век. Это про меня. И про этот Сборник, которым я исступленно занимаюсь уже четвертый месяц и конца не вижу...

А еще вернее — про наш Суздаль, идея которого недостижима, но так прельстительна. Их ведь, как вы помните, уже было три: 1996 год, 1999 и 2002. И как-то незаметно возникла новая генерация, не знаю — как назвать: народность-не народность, а, что ли, «суздальские люди», которые переписываются, иногда доисторически — письмами в конвертах, друг другу с разных концов страны звонят, имеют совместные работы, или — не имеют, но шлют друг другу оттиски и статьи по совершенно же чуждым друг другу отраслям разума, мечтают о следующем Суздале, удивляются, что кто-то на прошлом — не был, тащат туда своих друзей, детей или внуков. Мне несколько раз в разных местах (и городах) бросались вдруг на шею совершенно неведомые личности (у меня плохая память на лица, только это имею в виду!) с криком: «Ой, я теперь, после Суздаля, другой человек! Нашла там единомышленников!» Я всякий раз впадаю в кому от зависти. Потому, что — когда сам это действо готовишь, и все, кто готовит, — это знают и подтвердят, то потом испытываешь только тяжелый шок, что все вышло не так, совершенно же не то, как мстилось, и ужасно, ужасно неуклюже.

Но что-то, видать, в этом Суздале есть...

Помню, как я перед Суздалем-2002 (был, значит, конец мая) ездил туда на несколько часов, чтоб прояснить обстановку в Туристском комплексе. Попала уже к вечеру. Был длинный миг заката, и солнце, жжено-оранжевое, уже не горячее, а нежно истекающее дневным теплом, медлительно скатывалось по чистейшей голубизне неба вдоль монастырской нежно замшевой стены. И в томительном его блеске вдруг вспыхнула, поочередно взблеснув бессчетными извивами, речка Каменка, а запах трав вокруг нестерпимо сгустился до одурманивающей пряности. А сам Суздаль так был прекрасно распахнут со взгорка и так дивен свежими куполами своими, древними стенами и игрушечными вольно раскинутыми домиками. На узеньком деревянном мостике через Каменку стоял босой мальчишка и громко звал кого-то: «Пушкин! Пушкин!» Прибежала белая лохматая собака и стала тереться ему об ногу. Я почти и не удивилась, что собака — «Пушкин», потому что все кругом было — уже чистое искусство. А собака, вдруг попав в какой-то специально, видать, нацеленный солнечный луч, вдруг полыхнула красным. И опять стала белой и лохматой. Солнце мягко сплющилось и теперь осторожно, боясь наколоться, оседало за монастырскую стену...

«Да хоть вы все застрелись, — подумала я ни о ком конкретно, а только имея в виду наши финансовые возможности и бешеный взлет цен в Туристском комплексе, о котором нам только что любезно сообщили, — но Суздаль будет в Суздале!» Он там и был. Хотя весь наш грант ушел только на зал. И как потом удалось со всем расплатиться и какой кровью, знает только Галина Юрьевна Ризниченко, но она не скажет. И очень сомнительно, чтоб нам удалось провести в Суздале еще хоть что-то, если мы — все вместе и не знаю, кто, — не найдем тех, кто захочет разделить с нами эту красоту и захочет — хотя бы частично — ее оплатить. Если кто-то, кроме нас, не оценит, наконец, серьезности наших поисков и неутолимости наших попыток вернуть культуре первозданную ее цельность, которая так кротко укладывается в название «Языки науки — языки искусства» и так необорима в

практике жизни, как в науке, так и в искусстве. Место, где проходит такая конференция — не антураж с удобствами или без, а равноправная составляющая ее смысла, задающая атмосферу, тональность разговора, раскрепощение душ и высоту культурных ориентиров.

Колдовское место — Суздаль: задает, поднимает и соответствует...

Эх, даже жаль, что я в тот вечер подошла к ним, к мальчишке и собаке! Собаку-то звали «Пушок», а чтоб фамильярно: «Пушка». Никогда не нужно приближаться к чудесному — оно этого не любит.

26 сентября 2003 года в Астрахани шел дождь: в это время года таких там не бывает. Развезло все — ни до верблюдов в степи не добраться, ни до Центральной усадьбы заповедника, до которой две паромных переправы, глина засасывает по уши. Этот день был у нас на экскурсии, а вообще-то бурно шла конференция. И вот из-за идиотского дождя вдруг нам выпал активированный день. Хоть город толком посмотрим! Только быстренько выпьем кофе! И тут мы, — Галина Юрьевна, Татьяна Васильевна Потапова, Александр Владимирович Коганов и Владимир Владимирович Смолянинов и я — сдуру как сели возле стола на маленькой кухне казенной квартиры, так часа три и просидели сиднем. Потому что опять занесло на Суздаль, и время тотчас отключилось. Снова вспухли старые вопросы. Почему же он и в 2002 был опять не такой, как нам надо, хоть век, конечно, его не забыть, что-то там было, брезжило и пищало, и как же нам все-таки добиться, чтобы он в следующий раз, если этот раз случится, был бы такой, чтоб можно сказать, что этот вот Суздаль — именно такой, как хотелось. А, может, ему и не надо больше быть?

Ну, — все сказали, — зачем уж так-то?! А Саша Коганов сказал, что главное — надо понимать, что это — «Языки науки — языки искусства», значит, должен быть язык. Ух, как я ему благодарна! Я тоже считаю, что неумение (нехотение, боязнь дело свое ненароком уронить, себя — в неловкое положение поставить, назовите, как хотите) выйти за рамки профессиональной лузы — это, в значительной мере, несвобода в языке, отсюда — несвобода в своей профессии, ну, пусть, не в профессии, но в отношениях с нею и с остальным человечеством через нее, когда можешь выражаться только натренированными словами, всего надежнее — терминами. Прав Витгенштейн: «границы моего языка суть границы моего мира». Ибо язык — это мы.

И отсюда же — осатанелая серьезность применительно к своим свершениям, болезнь достаточно распространенная. Я всегда, когда вижу ее симптомы, вспоминаю первую встречу Нильса Бора с Вольфгангом Паули, переросшую, как известно, в пожизненную дружбу. Бор тогда, в 1921 году, выступал в Геттингене перед студентами и разношерстной профессурой. Зал был битком. Бор — уже великий, уже основатель квантовой механики, без пяти минут лауреат Нобелевской премии (в 22-м году ее удостоен). И сразу после его доклада на сцену выскочил молоденький ассистент, мало кому известный: Вольфганг Паули. И возвестил громко: «То, что сказал профессор Бор, не так глупо, как кажется!» Ну, чего дальше было — не знаю, думаю — горячо, ибо принципы Бора казались тогда еще фантастикой и мало кто эту квантовую механику, только-только рождающуюся, принимал. А после всех страстей Бор сразу взял Паули за пуговицу и потащил с собой прогуляться. И после прогулки, длившейся несколько часов, пригласил его к себе в Копенгаген. Так это тогда началось. А в 26-м году был уже Принцип Паули, потом предсказание нейтрино и т. д.

«Надо, чтобы в пленарных докладах обязательно была эта связь — науки и искусства!» — «Надо! И где ты таких докладчиков возьмешь, чтоб она была?» — «Нет, что ли, таких работ?» — «Работы-то, наверное, есть...» — «Ну, тогда нужно, чтобы ведущий сразу после доклада этот доклад проанализировал и эти связи нащупал. Народ подхватит». — «Сразу после доклада? А ты попробуй! Это знаешь какая нужна реакция!» — «Можно попробовать». — «Попробуй, а я посмеюсь. Там же доклады не по инвариантам специальной теории относительности. Это ж Суздаль!» — «Да, с инвариантами проще...» — «Обязательно должны быть секции». Это вдруг Галя сказала. Ей, наверное, показалось, что мы, может, слишком горячимся. А Галя обладает способностью мгновенно утишать страсти.

«Но это ж все опять разбредутся по группам!» — «А так людям не даем высказаться. Нет, секции необходимы». — «Будет, как на обычных конференциях». — «Там, что ли, плохо?» — «Но это же Суздаль! На Суздале важно, чтоб все вместе». — «Для секций нужны еще комнаты». — «В холле можно...» — «За холл тоже платить!» — «Пленарным докладчикам надо давать час, вот что надо!» — «А если он за этот час всех уморит?» — «Таким вообще не надо давать!» — «То есть, давать только своим? Наоборот, нужны новые люди. У нас гуманитариев очень мало». — «А говорят, в этот раз наука была, наоборот, ущемлена...»

Ущемишь ее, как же! А, может, и правда — ущемлена? Потому что на конференции «Языки науки — языки искусства» наука — есть такое мнение, слышала, — все равно поневоле профанируется. Ей нельзя формул, графиков и прозрачек. Она, видите ли, должна быть по мысли понятна непрофессионалам. Должна как-то там из себя вылезать. И все время вторгается нестрогая логика, которую порой уже и логикой не назовешь. А кто-то ведь всерьез считает, что образного языка нет, это лишь болтовня, всякие там метафоры да поэтические ассоциации. Народ, в основном, естественнонаучный, а гуманитариям наш Суздаль, похоже, и вообще не нужен. Потому что в их профессиональном кругу никаких точек бифуркации или, там, фракталов в помине нету. У них есть дискурс. Сидела я как-то на конференции в Институте языка: «дискурс» так и мелькал, «синергетика» не возникла ни разу. Ага, там все объясняют через дискурс, тут — через аттрактор. И зачастую и то, и другое — просто такие слова. Потому что и то, и другое может свободно быть не обеспечено смыслом, а может обжигать его концентрацией...

На Суздале-2002 была, правда, Нина Давидовна Арутюнова, член-корреспондент РАН, Институт языкознания, делала доклад как раз о метафоре, ей, вроде, было среди нас интересно. А она в гуманитарных сферах человек более чем заметный: ключевой. Может, это прорыв? И другим, коллегам ее, захочется к нам примкнуть?

Мы же не о синергетике как таковой, мы ж — о человеке...

И еще я привычно думала. Что искусство, по правде говоря, не нуждается ни в дискурсе, ни в синергетике. Оно, как уже бессмертно сказано, «существует и ни в зуб ногой». И в теоретических обоснованиях со стороны — не нуждается. Потому что и дискурс, и нелинейность, и все, что еще разные науки найдут и просчитают, что завтра станет модным или что вдруг приоткроет вечность, оно испокон знало, тайно имеет внутри, интуитивно, аналитически и как хочешь, и блестяще всем этим умеет пользоваться...

Ну, видите, как я субъективна! Но науку люблю: она помогает острее чувствовать обжигающий жар искусства, и мне нравится ее отвага.

Так чего же мы добиваемся своим Суздалем, чего от себя хотим?

По-моему, мы хотим научиться слушать и слышать другого. В быстротечности и текучести нашей сегодняшней жизни способность эта все более утрачивается. Мы, может, хотим вернуть себе благородную привычку — принимать инакомыслящего как просто мыслящего иначе. И радоваться, что кто-то думает иначе, чем мы.

Но ничего этого я в астраханской кухне вслух не произносила. Ни к чему было. И так было хорошо: сродненно. Потому что наука и искусство, если их не науськивать друг на друга и насильственно не разделять, великолепно, по моим ощущениям, уживаются в человеке и очень обогащают друг друга. Вслух я сказала: «А знаете, что мне Владимир Александрович сказал?» Это — В. А. Копчик, он для меня эталон объективности. Они — не знали. «Что мы подняли Суздаль на новую высоту: явили искусство».

Никто не смог возразить.

Да, искусство, пожалуй, — себя явило. Это не было «культурной программой», а органично вписывалось в жизнь конференции наряду с докладами, Круглыми столами и кулуарным общением. Был удивительный, — так и тянет сказать — экзистенциальный, жаль, не знаю, что это значит, но очень красиво! — моноспектакль профессиональной актрисы Ольги Александровой, объехавшей с ним полмира. На удмурдском, кстати, языке. Что мне

представляется принципиально важным: чтоб не на русском, и нельзя было пониманием слов и, таким образом, сюжета подменить специфически театральный язык, который здесь так ярок и самобытен. Ведь форма в искусстве это всегда уже содержание. Статья об этом спектакле — московского театрального критика Натальи Казьминой — есть в Сборнике.

Было два поэтических вечера. В день открытия конференции Михаил Ильич Рыскин в музыкальном сопровождении Татьяны Иосифовны Кан блестяще, как все, что он, между прочим, делает — поскольку являет собой совершенный пример недостижимого Суздаля, привольно сочетая в себе науку и искусство, так культурно оснащен человек, прямо белая зависть берет! — читал стихи Светланы Кековой. Она, к сожалению, не смогла приехать, может, в следующий раз. Если Вы еще не знакомы с поэтом Светланой Кековой, следует, на мой взгляд, это как можно скорее сделать. Вы станете богаче на целое мироздание, что не так уж часто. Поэты — вообще большая редкость, хоть поток рифмованных строк вокруг неисчислимы. И счастье знать, что среди нас и в одном с нами времени живет настоящий поэт. Несколько стихотворений есть в Сборнике. Все они, кстати, — Рыскин, Кан и Кекова — из Саратова: этот город (и Питер! Питер!, этот — взял реванш, всех и не перечислишь) у нас очень разнообразно представлен, есть еще статьи Алексея Дмитриевича Трубецкого (он — доктор медицины) и Елены Геннадиевны Трубецковой (она — филолог).

А в последний суздальский день нам читал свои любимые стихи и прозу артист Леонид Павлович Мозговой. Все его знают, если не по театру, то уж по фильмам Александра Сокурова, это — наверняка. Приехав в Суздаль, скорее всего, — отдохнуть, Л. П. Мозговой принял живейшее участие в жизни конференции и мгновенно — без каких бы то ни было объяснений и длинных просьб — взял на себя концерт вместо сорвавшегося музыкального вечера, за что мы ему чрезвычайно благодарны.

Что еще? Еще были — художники: живописец и театральный художник Татьяна Ян, абстракционист Александр Панкин и дизайнер Ирина Анищенко. Обсуждение открыл одиннадцатилетний Илья Мительман, горячо оценивший чистоту цвета и изящество полотен Татьяны Ян. Мир ее картин празднично ярок и щемяще гармоничен. Художественно-математические поиски и открытия Александра Панкина, наверное, в полной мере смогли прочувствовать лишь люди «строного знания», но любопытно было всем. А от изящных храмов Иры Анищенко (вместе с ее неотразимо привлекательной манерой общения с залом) народ так растрогался, что это, по-моему, можно бы уже поименовать эмоциональным катарсисом притягивания.

И еще. Геннадий Михайлович Абрамов, балетмейстер мирового класса и всего у нас участник, давно уж по сути — член нашей Ассоциации и старый друг, перед своим докладом вдруг потребовал у меня десять стульев на сцену. Он, оказывается, вместо доклада решил провести мини-мастер-класс. Ух, как все восторжались! А я-то сперва испугалась, что на сцену вдруг застесняются выйти, чтоб Гена там над живыми людьми экспериментировал своим языком тела. Известно же, что Абрамов в своем деле зверь и реакции его непредсказуемы и мгновенны. Чего он там от тебя захочет, на сцене-то? Нет, народ так и рванул, сшибая стулья. И это было эксцентричное и упоительное действие. Телом-то никто из нас абсолютно не владеет! В крайности — духом. А тут даже азы давались с трудом. Главный специалист по биомеханике упал со стула первым. Не называю его, потому как он утверждает, что упал нарочно. Но я ему не верю. Хотя не исключено, что задумался, это с ним бывает. А Абрамов в своем пластическом амплуа был так заразительно прекрасен, что за ним потом народ бегал по всем коридором, чтоб показать, как он держит спину или, там, копчик, и спросить, так ли он держит и как надо держать. Этот блиц-мастер-класс, я считаю, был уникальной находкой, прямо подарком для конференции. Вот что значит — быть свободным в профессии и понимать вкус импровизации.

Но искусство у нас в Суздале всегда было. И никогда не было привеском. И всегда было высокого уровня. За этим как раз мы трепетно следим, и тут нам себя упрекнуть не в чем. И не это, по-видимому, имел в виду Владимир Александрович Копчик. И не это мы с

Галиной Юрьевной считаем своим настоящим свершением, может самым человечески главным за эти годы. А то, что все-таки получилось, хоть казалось абсолютно невозможным, привезти в Суздаль из Пензы театральную Студию «Росток» со спектаклем «Воспоминания об Онегине». Это, по правде говоря, даже уже и не просто искусство, а нечто трудноопределимое — воспитательно-педагогически-художественное явление, которое и стало главным эмоциональным событием Суздаля-2002.

Когда из грязного автобуса, бесстрашно одолевшего мучительный путь Пенза–Суздаль, на нас вывалилось вдруг 47 человек, от самых крошечных до тридцати-с-чем-то-летних — пыльных, жадно глазастых, улыбчивых, несовременно вежливых, готовых не спать никогда и вбирать впечатления круглосуточно, в любую секунду — играть хоть концерт, хоть спектакль, очень довольных жизнью и нежных друг к другу. Все это, как по мановенью волшебной палочки, подчинялось какому-то четкому ритму, будто и слов никаких не надо, чтобы им друг друга понять, и странный этот живительный ритм, если внимательно приглядеться, совершенно естественно и непринужденно держался на одном человеке — художественном руководителе Студии Елене Валентиновне Ивановой. А если не приглядываться — они все сами его держали, тут ощущалась уже культурная традиция. А Лена, меж тем, бурно обнималась с нами и на безудержный свой народ вроде бы совсем даже не обращала внимания...

С культурной традицией, коли она есть, так, наверное, всегда и бывает: она естественна, как дыханье, вроде бы незаметна, нигде не торчит, о себе не кричит, внимания не домогается и сама себя держит. Но мы-то, в нашем перевернутом естестве и искореженном быте, знаем, что за этим стоит! Каких титанических усилий она требует, чтобы ее ухитриться создать и потом — держать. Причем, имея народность текучую, бурно взрослеющую и неизменно потом от тебя уходящую. И никаким законом, кроме внутреннего твоего нравственного чувства, традиция эта сейчас не подкреплена, а всему окружающему, наоборот, — противостоит. Это, по-моему, ничуть не менее загадочно, чем вечернее, словно из глубин Времени, теплое свечение Суздаля.. И редко такое сейчас увидишь.

Мы наблюдали Студию «Росток» в течении всей недели конференции. И так и не устали им удивляться. А самый младший из них — Велимир Олегович Горбунов, один год два месяца, — тоже, когда бывал свободен, присутствовал в зале заседаний. Изредка, как человек импульсивный, он вскрикивал или кричал. И тогда в зале радостно отмечали: «О, Велимиру понравилось!» И докладчик был горд.

Я не буду сейчас подробно про «Росток»: в конце 1-го раздела Сборника вы, коли желание будет, найдете мое эссе «Елена Валентиновна Иванова как счастливый канон» (оно написано еще после Суздаля-1999 и взято из 4-й «Госпожи Удачи»), но тут, по счастью, ничего не изменилось: ну, пришли другие дети, ну, стало еще труднее, во Дворце культуры железнодорожников, где уже двадцать пятый год обитает Студия, теперь новый директор, который запрещает играть бесплатные «Елочки» для детских домов (играют тайно), во время спектаклей повелевает бурить пол в коридорах (но все равно играют), а из Дворца, судя по всему, хочет сделать чисто коммерческое предприятие с барами, дискотеками и вроде бы казино. Детская нелюдь, голоштанная, вечно снующая и кипящая допоздна, с дурацкими песенками своими и вечными репетициями, явно этим планам мешает. Может, Город все-таки и не позволит директору по-настоящему развернуться, но Студия переживает период критический. А у меня все равно дурацкое какое-то чувство, что они опять вывернутся, не в первый раз...

Их спектакль, «Воспоминания об Онегине», я видала еще совсем свеженьким, в юбилейный пушкинский год. И он не поблек! Я и сейчас повторю: из всего, что я в тот год посмотрела, в Питере и в Москве, это самый именно пушкинский спектакль: в нем — искрящаяся прозрачность и мерцающая глубина, хоть вроде бы прост, ребячлив, соткан из подножек и поддавков, Александру Сергеичу там лет 8, не больше, все, что будет написано, еще впереди, «непроявленный вакуум», прямо по В. В. Налимову. Но, знаете, колдовская такая прозрачность: «прозрачный лес один чернеет», не может же он чернеть, раз

прозрачный, а вот — чернеет, оставаясь прозрачным. Мудрый спектакль. Зал наш смотрел его с наслаждением, все ладони отбили. И лица у зрителей — жаль никто не снимал, с такими лицами жить да жить, уж очень славные были лица, я все оборачивалась кругом, чтоб запомнить...

А на закрытие конференции «Росток» дал нам прощальный концерт. И опять они были неожиданны в каждом следующем номере, удивительны разнообразием своим и единством, неистощимо талантливы и доверчиво открыты, то ли играют в захлеб, то ли тут на сцене — просто живут, может, родились. Этот концерт все участники конференции до сих пор вспоминают как счастливое потрясение.

Еще об одном человеке надо сказать отдельно. Это Настя Полякова, первый ребенок Студии, дочь самых первых студийцев. Ей сейчас 10 (сами сообразите, сколько ей было в Суздале, я не в силах). Она, насколько мне известно, издает в количестве одного-двух экземпляров, для собственного удовольствия и исключительно «саморучно» (что оговаривается прямо на обложке), три журнала. Я бы определила их как научно-просветительские. Один, «Почемучка Про...», она мне после Суздаля подарила, что я очень ценю. Журнал этот крайне любопытен, и его бы можно опубликовать целиком. Много я там узнала впервые, например, про кожу: «Кожа это самый большой орган тела (главная его часть). Снятая кожа бы весила около 4-ех кг». Черт, сроду бы не подумала, что так много! Подкупает на-

учная дотошность автора. За неимением места в Сборнике мы взяли избранные отрывки в качестве эпиграфов к Разделам. Давно не встречала лучше эпиграфов!

На последней странице Сборника — тоже Настин текст, которым она завершает и свой журнал. Он для нас, взрослых, очень смешной именно своей серьезностью (Настя, надеюсь, простит взрослое наше, туповатое восприятие!). Очень хотелось бы, чтобы и суздальский Сборник, при всей важности проблем, имел еще нечто, что придавало бы ему изящество мысли, и что достигается, по-моему, лишь единственным путем: умением не быть чопорно серьезным. В конце концов, именно о серьезном лучше всего говорить, смеясь (лень даже перечислять, кто из великих этого не отмечал!). Ибо способность над собой посмеяться это, наверное, самое конструктивное человеческое свойство: как в искусстве, так и в науке. Кстати, посмотрите «Лекции по математическим моделям в биологии» Г. Ю. Ризниченко, иллюстрированные ровесницей Насти Викой Сочивко. Рисунки безумно смешные и удивительно тонкие. С такими рисунками книжку сразу уже не воспринимаешь как учебник, который-де надо учить: ее сразу хочется заглотить залпом и потом вспоминать, счастливо смеясь. Так-то учиться намного легче!

Эпиграфы замечательно сочетаются с рисунками санкт-петербургского художника Игоря Шинкара, который, на мой взгляд, очень владеет тем самым «чуть-чуть», которое и есть суть искусства. В них есть праздничное лукавство, в этих рисунках Игоря, — будто умный ребенок нас видит насквозь, смеется, что он так точно видит, вон мы какими веселыми поросятами гроздью на древе жизни висим, но сам же нами при том любитесь. Открывая Разделы, эти рисунки побуждают нас быть свободными, всякими, какие мы суть, но непременно — самими собой.

А нам это и надо.

Пожалуй, я уже, сама не заметив, перешла к композиции нашего Сборника.

Он, как мне кажется, призван как-то компенсировать то, что у нас в Суздале пока не получилось. Во всяком случае, предлагает такую возможность. Грех — не взять. Камертоном, может быть, следует считать поэтический трактат Василия Андреевича Жуковского (1819 год, если не ошибаюсь) вкупе и рядом с отрывком из знаменитого «Логико-философского трактата» Людвиг Витгенштейна (1921 год), объединенных глазастым Социальным плакатом молодого питерского дизайнера Никиты Герасимова. Какой у Никиты роскошный, чистый и пыливый «Глаз!» Нам бы всем такой! В двух этих текстах, столь контрастных по жанру и мироощущению, таится наша извечная и непреодолимая трагедия отношений с родным языком, то есть — с самими собой: вроде мы все можем выразить, да не все. А других средств — выразить мысль, передать ее, сделать общим достоянием у нас нет.

Именно поэтому язык так таинственен: то ли мы на нем говорим-пишем-думаем, то ли он все это сам делает за нас, не больно с нами церемонясь и поражаясь нашей глупости.

Редко о чем мы так мало задумываемся, как о родном языке. Бухнулись в него с рождения и стрекочем. Меж тем, именно язык, а не территория с ее охраняемыми границами, держит государство. Язык — это, по сути, социальная онтология. В нем самом — уже на уровне грамматики — заложены все наши связи с миром: с историей (позади), с обществом (вовне), с самими собой (внутри) и с судьбой (вперед). Розеншток-Хюссе определял это как «крест реальности». Умная у него книга, «Речь и действительность», вышла в 1994 году, издательство Лабиринт, Москва.

«Слово — конденсатор воли, энергии, всей душевной жизни, оно уплотняет ее. Слово „наговаривается“, пропитывается оккультными энергиями, одом», — это уже Флоренский. О чем бы мы ни говорили — о прошлогоднем снеге или о режиме с обострением — мы круглосуточно говорим. Ведь и образование — это упорное слушание и говорение, «это просто неувыдающий язык человечества, это весь процесс перевода, преобразование смешения языков в единый живой язык», — опять Розеншток-Хюссе.

Ишь, потянуло на цитаты: значит ищу единомышленников.

Именно словом, самым на мой взгляд, таинственным слабым воздействием, нами — как обществом — легко управлять. И, может, главная наша задача — учиться отличать ложь от правды. Чутье это дается только культурой и, прежде всего, культурой языковой. Потому что язык — коварен: он выдает человека с головой одной только фразой, запросто — одним словом. Если только умеешь слышать...

Ну, мы тоже не так уж просты.

В этом Сборнике представлены разные ипостаси языка: само собой, научные статьи, строгие и не очень, живая запись выступления (и впервые мы слышим живые интонации Сергея Павловича Курдюмова и ощущаем живое и страстное его дружелюбие, которое так гипнотически действует на зал, но тихо куда-то проваливается в сугубо научных статьях), мастер-класс Геннадия Абрамова (уже не блиц, а со всеми энергетическими подробностями, его упражнения, думаю, многие тайно потом попытаются повторить, что ж, удачи!), «расказ о явлении, как я его вижу» (так Ирина Александровна Добрицына очень точно определила свою работу о нелинейной архитектуре), сатирическую зарисовку (не уверена, что есть такой жанр, но что-то близкое: имею в виду моделирование всего, что первым на глаза попадет) Александра Коганова, стихи (Светланы Кековой), письма (тут две переписки, и речь о них впереди), философские раздумья Анатолия Вайнштейна, математическое исследование, которое все равно — эссе, Владимира Смолянинова и психологический портрет циклона Людмилы Нееловой. Не берусь исчислить всего разнообразия. Вольно меняя жанры, Сборник, на мой взгляд, обрел дополнительную динамику, ибо новый жанр (недаром же — «стиль это человек») это всегда — смещение взгляда, а значит разрушение штампа.

Освежает мозги.

Названия Разделов Сборника («Вокруг человека», «Вокруг искусства», «Вокруг науки») сперва, возможно, вызовут ухмылку. С чего это — все «вокруг»? Но это отнюдь не означает поверхностности, вот уж чего нет. Если бы Джомолунгму, например, можно было обойти по кругу, то есть вокруг, альпинисты, прежде чем переть в гору наобум, непременно ее бы внимательно обошли, прикинув и просчитав, где удобнее и возможнее попробовать взлезть. Наше «вокруг» как раз свидетельство нашей вдумчивой неутомимости. Мы кружим и кружим вокруг Человека, чтоб найти место, куда с нашей любознательностью можно поглубже проникнуть. Втыкаемся туда, насколько уму нашему и технологиям возможно. И, уперевшись в скальную стену, отскакиваем. Некоторые — разбиваются. Остальные — живы. Чтoб снова неустанно ходить и ходить кругами, накапливая новые силы. Ну, в промежутках обрабатываем добытые данные. Чистая наука! Или слагаем оды во славу разума. Чистое, то есть, искусство! Это один вариант объяснения. А еще мне всегда нравилось, как Кафка сказал про искусство: «Искусство летает вокруг истины с твердой решимостью не сгореть». Кто-то, бесстрашный и нетерпеливый, наверняка сгорел. И остальные — на этом опыте — узнали, что такое огонь. Опять же наука с искусством. Так что наши Разделы, считаю, названы правильно, вот и весь сказ.

Кстати, в Разделе «Вокруг науки» имеет место такой эксперимент. Раз у нас вечно не хватает времени толком обсудить доклады, попробуем сделать это в Сборнике. Для эксперимента выбран «Гимн квадрату» Владимира Смолянинова. Исходя из следующих обстоятельств: во-первых, «Квадрат» его в Суздале встречен был с явным интересом, но серьезно вникнуть в него на слух смогли наверняка только специалисты, а во-вторых, Володя — человек с юмором и абсолютно самодостаточный: коли что не так, он поймет. Я тогда, значит, наивно считала, что, может, кто-нибудь все-таки его «Квадрат» не то чтобы обругает, но вдруг найдет в нем какие серьезные уязвимости. Но все, как один, даже и полные гуманитарии, как вы увидите, высказались исключительно лестно. Что мол им было захватывающе читать, хоть ни одной формулы они не поняли и, кроме Пифагора, знакомых там не встретили. Но что-то такое, наоборот, важное для себя узнали. Я, собственно, не сильно удивилась. Ибо в математическом эссе Владимира Смолянинова бьется общечеловеческая мысль. А этот эффект я давно знаю: мысль, коли она есть, способна сама себя держать и силой сво-

ею протащить человека к сути сквозь любые недоступные ему дебри. Она тебя как бы нюхом ведет.

Более того, мне сдается, что это исследование Смолянинова как раз абсолютно суздальский материал: это ведь — о борениях математического языка с самим собой, языка, может, самого общечеловеческого из вербальных и прозрачного, который математики сами придумали, к нему придумали целый мир и в нем так захватывающе живут. Нет, не придумали, а открыли, потому что каждый язык — это новый мир, который этим языком отмыкается. А без математического языка мы бы этого мира вообще не знали, что он есть, чувствовали бы только смутное томление неведомого присутствия, так бы без него, роскошного и драматического, и влачили...

Это я сейчас так говорю, привольно обжившись в тексте, поддавшись художественной эрудиции автора и начитавшись, может, откликов. А в первый момент, между нами, хотела этот «Квадрат» тут же вернуть на беспощадную переработку как беспробудно специальный. Вот тут и разберись!

Теперь — письма: они встроены между 1 и 2 Разделами и между 2 и 3. Это нечто совершенно новое для наших сборников и потому требует пояснения. Как уже говорилось, отношения «суздальских людей» (как, впрочем, и участников всех других конференций, но там, как правило, объединяет профессия) не ограничиваются только совместными днями заседаний. Там возникают дружбы или, во всяком случае, завязываются постоянные человеческие и внепрофессиональные контакты, которые регулярно поддерживаются. Я сама могла бы предъявить целый том своей интенсивной переписки с Ларисой Битюцкой (Воронеж), Марком Вороновым (Харьков), Сашей Когановым или домом Курдюмовых и добрым десятком других близких уже людей.

Письма, приведенные в Сборнике, написаны не для Сборника, вот что следует помнить. Я просто их выбрала — целиком и без купюр — как наиболее характерные и контрастные. Они, на мой взгляд, создают душевный объем.

От писем Ольги Матвеевны Мительман (учитель литературы из Питера, ведет для старшеклассников собственный курс мировой культуры) и Михаила Ильича Рыскина (геолог, математик, тоже ведет собственный курс мировой культуры, но в Лицее при Саратовском университете) возникает ощущение такого духовного и душевного единства, что заподозрить их в недавнем (на Суздале-1999) знакомстве кажется просто кощунством. Люди нашли друг друга и понимают друг друга с полуслова. Кажется, зачем при таком родстве письма? Нет, они все пишут и пишут. И еще, знаю, звонят. Значит эти душевно-духовные касания, эти общие цитаты, эти почти одинаковые даже воспоминания юности, этот неутолимый нравственный поиск, эта горячая осведомленность о семейных и прочих делах друг друга — это и есть настоящее? Значит. Есть. И всегда будет. Уже из-за них двоих нужен был Суздаль. Чтобы они, наконец, там встретились.

И совершенно другая переписка.

Анатолий Вайнштейн (звукорежиссер, музыкант, поэт и философ) деликатно, непрерывно оговариваясь, что отнимает время, и смущаясь своего математического несовершенства, задает вопросы насчет бесконечности и ее проявлений в искусстве профессионалу, доктору физико-математических наук Александру Зенкину. И так они обстоятельно, с чувством-с толком и взаимным уважением друг с другом беседуют, так умно и красиво — либо-дорого это читать. И нисколько ведь не мешают разные-то профессии! И вряд ли они теперь перестанут друг друга искать, ибо бесконечность неисчерпаема, а человеческие отношения, коли они возникли, — из них вообще не выпутаешься. Да и кому охота из них выпутываться, когда именно они и есть настоящая жизнь?

Остался один Раздел: «Голоса во Времени».

За эти годы — между Суздалем-1999 и Суздалем-2002 — не стало Валентина Вонифатьевича Короны и Бориса Викторовича Раушенбаха. В ноябре 2002 г. умер Юрий Львович Климонтович. Круглый стол его памяти на 10-й конференции «Математика. Компью-

тер. Образование» в январе 2003 г. (Пушино) мы помещаем в Сборнике. Они, все трое, были духовным и интеллектуальным центром, сердцем наших конференций.

Примириться с этой потерей невозможно. И печаль наша пребудет с нами навеки. А их книги, статьи, их живые голоса, которые хранит наша память, будут только расти.

Они, которых мы помним запросто и о которых все еще разговариваем между собой так, будто они просто куда-то вышли и вот-вот вернуться, сейчас уже стали Историей. Историей культуры. Это очень трудно психологически осознать. Это, видимо, такое уж человеческое свойство, что мы не умеем почувствовать высоту рядом, пока она — рядом. Нам, увы, для этого требуется время и безвозвратная отстраненность. И счастье свое, что нам повезло с ними соприкоснуться, мы понимаем только потом...

Раздел открывается коротеньким текстом Эйнштейна, столь же, по-моему, загадочным по простоте, лаконичности и концентрации смысла, как его формула. В нем — вся суть жизни, если эта жизнь нравственна, исполнена высоких исканий и достойна человека.

Такой и была их жизнь — жизнь наших друзей, наших коллег, наших учителей — Юрия Львовича Климонтовича, Валентина Вонифатьевича Короны, Бориса Викторовича Раушенбаха.

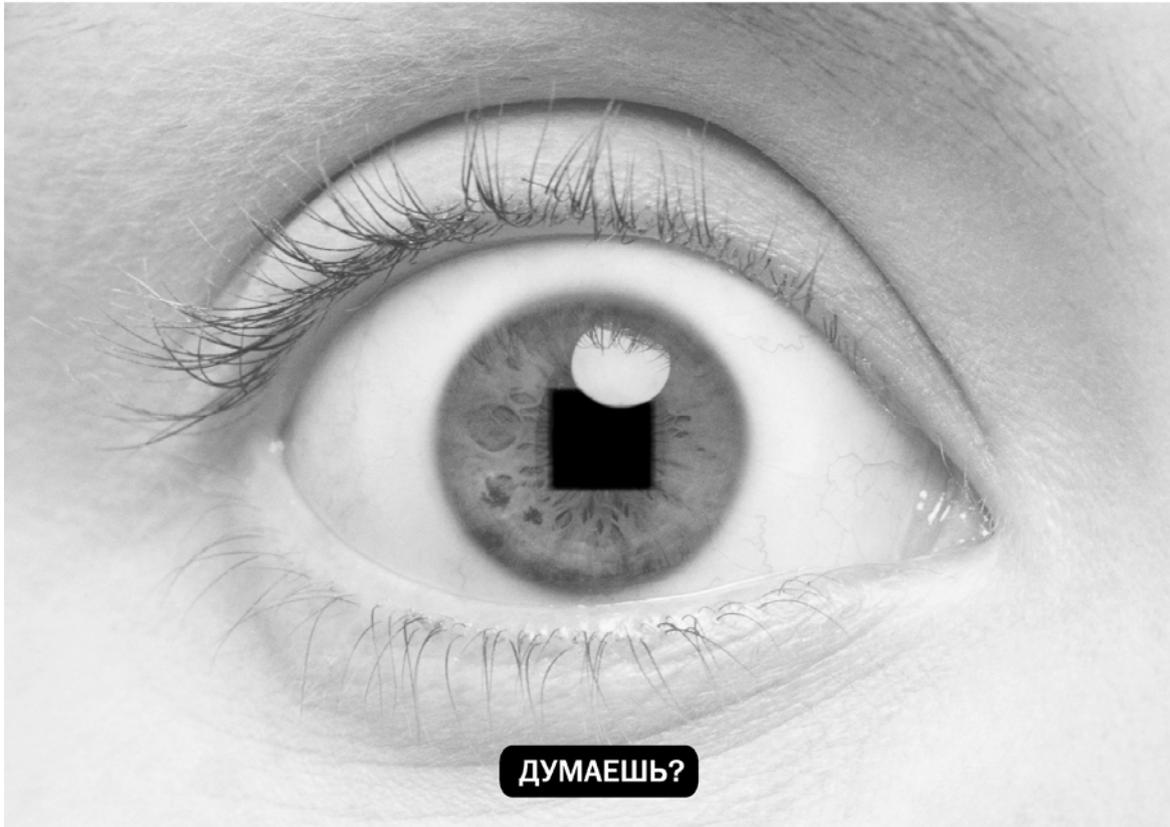
А в заключение я приведу кусочек из письма Анатолия Вайнштейна, с которым, естественно, тоже переписываюсь:

«Я не уверен, что Суздаль на самом деле существует как географический пункт. По-моему, это некий лелеемый внутри себя образ, который приобретает очертания благодаря общему резонансу душ — когда в них возникает ответная родственная потребность. Поэтому, когда иссякает это согласное вдохновение, Суздаль, подобно граду-Китежу, погружается на дно — озера, сознания, подсознания — и уже ни на одной карте, ни на одной планете его не сыскать.

Но откуда тогда в руке у меня этот Сборник — суздальский?»

Может, Вайнштейн и прав: не сыскать...

Но Вы же держите в руках этот свежий Сборник!

Что такое орган зрения? ?
Орган зрения — это глаз. Глаз — это
окна мозга в окружающий мир. Глаз
зависит от мозга определяет формы, цвета и
движения. Он узнаёт знакомые предметы,
исследует незнакомые и постоянно держит на кон-
троле еду, питье, удобства, опасности — и, конечно ком-
пьютерные игры.